

O.B. Овсянников, М.В. Рождественская

**СТОЛЬНИК АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВЕШНЯКОВ:
СЛУЖБЫ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
«ГОСУДАРЕВА ЧЕЛОВЕКА»**

В 1993 г. авторы опубликовали статью «Сказание о построении церкви в селе Маврино-Сергиевском» — малоизвестный источник XVIII в.¹. Название этого документа было дано по архивному наименованию рукописи в РГАДА². Рукопись на 12 листах хранится в картонном переплёте позднего времени, текст написан почерком первой трети XVIII столетия на бумаге в 4-ку с филигранями — герб города Амстердама и буквы РЛЬ И ИЛЬ. Текст не имеет первоначального названия, так как начало самой рукописи, к сожалению, утрачено. Однако архивное название документа далеко не в полной мере соответствует его содержанию, хотя тема церковного строительства действительно одна из главных его сюжетных линий. Однако наряду с подробными сведениями об активной церковно-строительной деятельности героя повествования в рукописи постоянно присутствует ещё одна важная сюжетная линия и не исключено, что именно она и есть главная — это тема трудного и полного невзгод и лишений, но достойного жизненного пути главного действующего лица повести.

Ценнейшие и довольно подробные сведения биографического характера дают уникальную возможность проследить основные 'углы' служебной деятельности героя рукописи — царского стольника на фоне знаковых исторических событий России конца XVII — начала XVIII столетий. Естественно, что автором упомянуты только те события, которые тесно сопряжены с жизнью самого героя (или его ближайших родственников), ибо он — их участник, а частная жизнь его полна драматических перипетий. Итак, безымянный автор предоставил читателю редкую возможность в какой-то степени прикоснуться к несомненно яркой и незаурядной личности

государева человека эпохи становления Петровской Руси, а нам — возможность ещё раз обратиться к сюжетным линиям этого повествования, во многом по-новому взглянуть как на безымянного автора, так и на его героя — царского стольника, воеводу и ланддептата Андрея Михайловича Вешнякова. Для нас, авторов статьи, немаловажно и то, что служба стольника Вешнякова была связана с Русским Севером, с его выдающимися экономическими и историко-культурными центрами: Холмогорами, Солью Вычегодской и Устюгом Великим.

В стародавние времена на Руси доподлинно не только знали, понимали, но и чувствовали весь глубинный смысл слова ЗАСТУПНИК. В наши дни по своему смыслу оно вроде бы в полной мере сродни другому, также стародавнему слову ЗАЩИТНИК. Но есть такие нюансы, которые не позволяют ставить между ними полного знака равенства, ибо слово ЗАСТУПНИК и само понятие заступничества в большей мере отражало духовный и морально-нравственный аспект в деле служения Отечеству, Правде и Вере. Порукой такого поведения заступника служит праведный или движнический образ его жизни, покаяния и данные им обеты, исполнение которых сопряжено с трудностями и требовало немалого напряжения нравственных и физических сил. Одна из обетных тем — это тема церковного строительства.

Для древнерусских книжников-агиографов она была возможностью рассказать о проявлении чудодейственных сил, о покаянии и об обетных действиях, об истинности православия по сравнению с «латинской верою». Таковы, например, известные по новгородскому летописанию Повесть о построении Благовещенской церкви в Новгороде, легенда о построении варяжской божницы (ропаты) или Повесть о построении Успенской церкви в Киево-Печерском Патерике, отдельные «строительные» сюжеты в Житии Антония Римлянина, в Житиях Новгородских архиепископов Ионы («поновление» им Отенского монастыря), Евфимия (строительство палат и башни-«Часозвони»), в Житии Михаила Клопского (о поставлении каменной церкви Святой Троицы). В этих и многих других литературных текстах мы не всегда найдем подробные сведения о технике и последовательности строительных работ; авторов этих повествований интересуют в первую очередь «чудесные» обстоятельства построения храма: помощь Богородицы, появление бочки с золотыми монетами, коня с «чемоданцами», полными золота и серебра. Сам факт постройки добавляет их заказчикам святости,

оказывается столь же богоугодным делом, как переписка книг, написание икон, рукоделие для храмовых нужд. Церковное строительство становится частью духовного подвига, и, может быть, поэтому оно постепенно выделяется в отдельный литературный сюжет, дидактически демонстрирующий, как может заслужить милость Бога не только святой, но и простой мирянин. Заботясь о своем селе, городе, монастыре, он тем самым заботится о своей душе, а если к тому же этот человек родовитый и богатый, его жизнь и деятельность на пользу городу и отечеству заслуживает особого внимания.

Итак, главный персонаж публикуемого текста — стольник Андрей Михайлович Вешняков. В начале упомянут отец Андрея, а точнее речь идет о чудотворной иконе, которая была написана при его отце в 1672 г., находилась в московской церкви Иоанна Предтечи и могла быть поставлена после его смерти (ис совсем понятен конец фразы в рукописи: «...до того времени...»). Но другой иконе — «Матери Божией Владимирской» — суждено будет сыграть особую роль в жизни Андрея Вешнякова — эта семейная реликвия станет впоследствии храмовой иконой построенной ими церкви в селе Маврино-Сергиевском, а запись на её обратной стороне позволит восстановить родословную Вешняковых по мужской линии. Вот эта запись: «Сей св. образец пресвятой Богоматери древнего писания или же Бог весть, и пребывал тот светлый образ в доме стольника и многогрешного Андрея Михайлова сына Вишнякова, и у отца сего Михаила Григорьева, и у деда, и у прадеда Захария, и у прапрадеда Петра и ныне св. образ ...7111 (1603) мать моя Андреева Марфа Якимовна купила переехала на сие место для селения и благослови мя грешного Андрея сим св. образом и отца в сем селе быти церкви святой и доныне...»³ К некоторым сюжетам, несомненно, как нам представляется, поздней иконной летописи мы ещё вернемся. Важно, что она позволяет восстановить родословную Андрея Вешнякова: прапрадед — Петр, прадед — Захарий Петрович, дед — Григорий Захарьевич, отец — Михаил Григорьевич, его сыновья: Андрей Михайлович и его брат, имя которого было упомянуто — в не сохранившейся изначально части рукописи об Андреевом брате написано: «во 195 (1687) году на Саратове брата ево преждереченного не станет».

Родословная Вешняковых и их службы восстанавливаются также на основании и других данных (Тысячная книга 1550 г., Синодик Ростовского Успенского собора, Гербовник Всероссийской

империи и т. д.). С московской церковью Иоанна Предтечи у Вешняковых были особые отношения — вероятнее всего, именно здесь был похоронен отец Андрея Вешнякова, а позднее, в 1690 г., здесь же была погребена первая жена Андрея: «Жены ево первой Ани тело привезено к Москве и погребено у церкви предтечевой».

Можно с уверенностью говорить, что отец Андрея, служивший сначала в Ямском Приказе в 1667–1671 гг., а затем в Приказе Большой Приход — это Чертовский Михаил Вешняков⁴. Любопытно, что фамилия ЧЕРТОВСКИЙ упоминается и в связи с событиями на севере России в 1613 г., когда стрелецкий сотник Смирнов Чертовский во главе 100 архангельских стрельцов изрядно потрепал под Емецким селом рвущийся к Архангельску польско-литовский отряд, чем во многом помог защитникам первого Холмогорского острога, осажденного поляками, литовцами и «русскими ворами»⁵. Нельзя исключать, что это простое совпадение, но несомненно и то, что все Чертовские — это служилое сословие⁶.

Несомненно, со службой была связана и гибель отца Андрея Вешнякова, о которой сказано как о «невинной его смерти». Очень вероятно, что он сгинул в бурное и жестокое время стрелецких бунтов и кровавых расправ, получившее в народе название Хованщины. Особую память оставил стрелецкий мятеж в мае 1682 г., когда стрельцы ворвались в Кремль и потребовали вывести на Красное крыльце царя Петра и царевича Ивана, а потом учинили разгром и убили многих, по их выражению, «изменников», в том числе и приближенного боярина Матвеева и многих из окружения царской семьи. Жертвой этих кровавых расправ мог быть отец Андрея Вешнякова, и, возможно, участником этих событий могли быть, кроме отца, Андрей Вешняков и его брат. Несомненно, все Вешняковы принадлежали к служилому сословию, а точнее, к той его части, которая была представлена московскими дворянами, близкими к царскому двору. Этим объясняется связь семьи Вешняковых с московской церковью Иоанна Предтечи, а также возможность бывать в царских покоях и молиться перед царскими иконами, доступность к патриаршим и митрополичьим кругам.

Это весьма вероятно, ведь именно в этом же 1682 году «стольник Андрей Михайлович сын Вешняков за службу пожалован на поместье грамотою»⁶, а уже в конце 1687 или в начале 1688 г. (к сожалению, точнее сказать нельзя, так как не указан месяц) «за невинную смерть отца своего по указу великих государей и сестры их государыни и царевны и великой княжны Софии Алексеевны отпущен воеводою во град Торжек».

Послужной список А.М. Вешнякова, как он отражен в рукописи и в других документах, выстраивается следующим образом.

1. В сохранившейся части рукописи отмечено, что стольник Андрей Вешняков живет в пожалованном ему «за службу» поместье и только при заступничестве святой иконы мог побороть тяжелую болезнь и, «восстав от болезни», приступает к практическим шагам по строительству своего первого обетного, деревянного храма. Он пробудет в деревне до конца 1687 или начала 1688 г.

2. В конце 1687 или в начале 1688 г., как написано в рукописи: «он Андрей, за невинную смерть отца своего по указу великих государей и сестры их государыни царевны и великия княжны Софии Алексеевны отпущен воеводою во град Торжек и получиша там мощи преподобнаго Ефрема». Ефрем, чудотворец Новоторжский, основатель и первый архимандрит Борисоглебского монастыря в Торжке, был канонизирован в 1572 г.⁷ 11 июня 1690 г. в Торжке происходила торжественная церемония — «с дозволения» патриарха Иоакима и по указу новгородского митрополита Корнелия был установлен первый крестный ход по случаю перенесения мощей Ефрема из древнего каменного гроба в деревянную раку, подаренную Петром Первым.

Автор рукописи сознательно подчеркнул два важных момента в истории с назначением на воеводство в Торжок, и оба эти момента носят явно выраженный компенсационный характер — во-первых, воеводское место давалось Андрею «за невинную смерть отца своего», во-вторых, по отношению к нему был сделан особый знак царской милости и этот знак тоже имел определенный символ, но уже символ моральной компенсации — Андрей «получиша там мощи преподобнаго Ефрема». И это действительно так и было — впоследствии мощи Ефрема Новоторжского ещё долго будут храниться в каменном храме, построенном Андреем Вешняковым по обету⁸.

О другой деятельности воеводы Вешнякова в Торжке мы знаем немного: в 1690 г. он составлял так называемые Описные книги 1690 г., и его имя упоминается в царской грамоте, по которой Рождественский монастырь был приписан к Борисоглебскому⁹.

Воеводство Вешнякова в Торжке закончилось в том же 1690 г., и это событие совпало с другим, весьма печальным для него — умерла первая жена Андрея, Анна, тело которой было перевезено в Москву и похоронено у церкви Иоанна Предтечи, где ранее был погребён и его отец.

3. В 1695 г. начался новый, азовский этап государевой службы — «волею Божию и повелением великого государя послан он, Андрей, на его государеву службу скорым случением». Неудачная сухопутная осада турецкой крепости Азов с весны до осени 1695 г. оказалась для русского войска трудной и опасной, и автор имел все основания написать: «И тут быша в велицеи печали и бысть ему в той службе быша смертная слученія и печали, ... — но с той азовской службы возвратися в дом свои жив». Азов, как известно, был взят только в 1698 г. осадой русского войска как с суши, так и при помощи вновь построенной русской флотилии, блокировавшей турецкую крепость с моря.

4. В том же 1698 г. «волею божию и заступлением Богоматере пожалован он, Андрей, от великого государя в Ростов град воеводою, и бысть в том граде два лета». О вступлении А.М. Вешнякова на воеводство свидетельствует «Ростовский росписной список», по которому «стольник и воевода Андрей Михайлович Вешняков принял у стольника и воеводы Петра Семеоновича Извольского город Ростов»¹⁰. Старинный, большой и богатый Ростов Великий, с его многовековыми традициями каменного церковного и военного зодчества, несомненно, сыграл особую роль в судьбе стольника и его семьи. Именно ростовские мастера строили каменный храм в поместье Вешнякова, в Ростове родились оба его долгожданных сына — Иоанн и Алексей. В Ростове род «господина Вешнякова» был внесён в Синодик XVIII в. ростовского Успенского собора¹¹. Надо полагать, что служба ещё раз свела Андрея с Ростовом — в 1715–1716 гг., когда в Ростовском уезде проводилась ландратская перепись — в той части уезда, в которой находились дворы в Тотемском, Холмецком, Лохощком и других станах — их переписывал ландрат Андрей Вешняков, и его ландратские книги были представлены в Сенат в 1719 г.¹²

5. Автор рукописи считает, что в свое поместье Вешняковы вернулись в марте 1701 г. и «в то же лето по царскому изволению учинишая служба под Ругодив, и ему, Андрею, на той службе быть велено же, и бысть, и пошел на тое службу сентября в 1 день. И бысть о том в доме сетования и плач».

Служба под Ругодивом (Нарвой) обрисована в весьма эмоциональных и драматических тонах: «И на службе ему быша беды смертни, и волею божию за грехи наши пришед к обозам царским шведской король с силами, обозы розбила и в полон много взяша. А он, Андрей, волею божию и пресвятые Богородицы за-

ступлением спасеся жив, только человек лутши Стефан пропал безвестно, и что было с ним на службе платья и сосудов сребряных и медных, посуды всякой рухледи — все пропало». Подводя итог этому драматическому событию, автор рукописи отмечает главное: «И пришел в дом свои жив».

Андрей Вешняков действительно остался жив во время настоящего ада, который устроил для 40-тысячной русской армии шведский король Карл XII во второй половине ноября 1700 г. Битва под шведской крепостью Нарвой, когда Карл, ворвавшись в русский лагерь на левом берегу р. Наровы, захватил всю артиллерию, царские обозы, принудил русские войска к капитуляции, была страшным поражением в Северной войне, но она, как известно, этим сражением не закончилась.

Вполне достоверно описывая события под Нарвой, автор, как нам представляется, ошибся только в дате возвращения семьи Вешняковых из Ростова и начале службы «под Ругодив» — вероятно, они вернулись в Маврино не в 1701 г., а в 1700 г., иначе стольник не мог быть участником Нарвского сражения.

6. Вскоре начинается служба стольника Вешнякова на Русском Севере: «...И ниоткуда он помочи чаяще, и внезапу что ему даровася указом царским посыается он, Андреи, на Устюг Великий для збора денег двадцати двух тысяч с хлеба» с выплатой кормовых денег — «по двенадцати алтын на день».

Известно, что уже весной 1702 г. стольник А.М. Вешняков в Тотемском и Соли-Вычегодском уездах проверял описания вотчин вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Нет уверенности в том, что эти описания проводил он сам, но исследователь истории северного крестьянства И.А. Булыгин указывает на наличие скрепы стольника А. Вешнякова на полях этих Описей¹³.

В марте 1703 г. Вешняков с семьёй возвращается из Устюга в своё поместье, но уже вскоре по царскому указу опять посыается на Север — «во град Устюг же и на Холмы Горы, и там быша с июля месяца по декабрь».

Письменные документы раскрывают один из эпизодов его деятельности в Подвинье.

Так, в 1703 г. в связи с плохим состоянием икон в каменном храме во имя Бориса и Глеба, находящемся в Нижне-Матигорской волости в окрестностях древних Холмогор, прихожане подали в Москву челобитную: «многие доски порушились, и тех икон поновать не возможно». И прихожане просили «в те вышепомянутые

церкви иконы написать и новый иконостас построить»¹⁴. Дело в том, что в каменном Борисоглебском храме, построенном в конце XVII в., в иконостас были поставлены иконы из прежней деревянной церкви. Для нового, каменного храма они оказались и «малы, и зело ветхи, и от многолетнего стояния в прежних деревянных и в нынешних каменных церквях обветшали», а «многие доски порушились».

В истории каменной архитектуры Нижнего Подвиная Борисоглебский храм занимает особое место. Строительство его началось в конце последней четверти XVII в. и велось, возможно, мастерами, приглашёнными из Ростовской земли. Так что первый архиепископ вновь образованной Холмогорской и Важеской епархии Афанасий, прибыв на Холмогоры в октябре 1682 г., уже вскоре сёдил на Нижние Матигоры посмотреть на почти построенную каменную церковь: «...смотрел каменной церкви, из земли похвалил, а вверху, говорил, неделом сделано — шеи основаны некрепко на дугах»¹⁵.

Каменный храм и построенная позднее колокольня простояли до 30-х годов XX в. и были разобраны. Только в архивах сохранились фотографии этой постройки с изумительными порталами из резного белого известняка. Архитектурно-археологические раскопки в 1980–1981 гг., проведённые одним из авторов настоящей статьи (О.В. Овсянниковым), дали возможность судить об этом впечатительном сооружении соборного типа, своды постройки поклонились на четырёх массивных квадратных в плане столбах, восточная часть завершалась тремя полукруглыми апсидами. К западному фасаду примыкала одновременно возведённая с храмом паперть с крыльцом¹⁶. Были обнаружены детали резных белокаменных порталов и вертикальных тяг, украшавших апсиды храма (резные белокаменные детали переданы в фонды Архангельского областного краеведческого музея). Вот такое сооружение мог увидеть стольник Вешняков — дело в том, что в Москве довольно быстро отреагировали на крестьянскую чеболбитную из Матигор, и по царской грамоте стольнику Андрею Михайловичу Вешнякову надлежало «досмотреть», а которые иконы можно было починить — те «вельеть починить и иконостас зделать тот церковного казною». Стольник создал специальную «комиссию» и «досмотрел» храмовые иконы вместе со «специалистами» — с главой иконописной артели холмогорского архиепископского дома Алексеем Струниным и другими местными иконописцами¹⁷.

В результате «досмотр» показал, что только семь икон можно было «поновить», а остальные «за ветхостью поновить невозможно». В том же 1703 г. Алексей Струнин «с товарищи» был панят написать новые иконы, «а для позолоты иконостаса иконописца подрядить». Из документа, уже 1717 г. («О незделании всей резбы по подряду в Борисоглебской церкви»), известно, что для позолоты был подряжен иконописец Филипп Коротаев. Заметим, что сам Коротаев в «незделании» иконостаса виновен не был — для изготовления иконостаса был подряжен домовой архиерейский столяр Самсон Козирцын, который не сделал свою работу, чем «учинил в золочении той резбы великую задержку...»¹⁸. В 1706 г. стольник Вешняков руководил описанием комплекса деревянных построек Красногорского монастыря на реке Пинеге (основные сооружения — две тёплые церкви, холодная надвратная и колокольня — были деревянными). В сохранившейся монастырской описи 1726 г. отмечено, что в каменном чулане, где хранился архив, наряду с порядной 1724 г. на постройку (фактически на достройку) монастырского собора в честь иконы Грузинской Божьей Матери с «колмогорского посада каменных дел подмастерьем Петром Некрасовым» хранились также «прежних лет» три переписные книги монастыря: 1689 г. Ивана Ростегаева, 1706 г. Андрея Вешнякова и 1720 г. архиерейского боярского сына Михаила Александрова¹⁹. Храм Красногорского монастыря (закладка собора была осуществлена в 1721 г., а освящение произошло в 1735 г.) — одна из двух сохранившихся построек холмогорского зодчего XVIII столетия — Петра Козыmina Некрасова (вторая постройка — Дмитриевская церковь на Курострове), а возможно, он принимал участие в строительстве и храма Василия Великого в Курейской волости²⁰. Несомненно, в процессе знакомства с документами Великого Устюга, Соли Вычегодской, Холмогор и других центров и монастырей Поморья может быть обозначен более широкий круг деятельности стольника Вешнякова.

Между тем Северная война продолжалась, а продолжение войны требовало новых мобилизаций среди служилого сословия и «збиравша к воинству многих и всяких чинов, кои царедворцы были на воеводствах и в посылках». Призвали «на смотр» и стольника Андрея Вешнякова, которому в это время было уже 42 года, что особо отметил автор рукописи. Возможно, поэтому он не был взят на воинскую службу, а «по указу велено ему бысть по-прежнему на Устюге, из Монастырского Приказу велено ведать на Устюге дом архиерейской и вотчинная всех монастырей». И вот на этой, впол-

не мирной, службе нависла над Андреем Вешняковым реальная опасность — вдовий поп Сава и мелкий служка архиерейского дома сын боярский Василий Власов послали в Москву на стольника донос. Донос был отослан на самый высокий уровень — в село Преображенское, куда пришлось ехать для объяснений и самому Андрею Вешнякову. В Москву стольник приехал в январе 1706 г. и от навета был оправдан, а наветчики «себе получище отмщение по царскому указу за лживыи их дела». После оправдания по навету стольник уехал снова в Устюг Великий и вернулся домой, в Маврино, лишь 13 сентября.

На этом событии автор рукописи заканчивает рассказ о «службах» стольника Андрея Михайловича Вешнякова, но, как уже упоминалось, нам известно о его деятельности в качестве ландрата в Ростовском уезде около 1716 г. Ему было тогда 54 года.

Мы специально выделили прежде всего «службы» Вешнякова в самостоятельную тему, чтобы более чётко представить круг обязанностей и вообще статус «государева человека» подобного ранга, тем более, что эти службы определяли социальное положение (довольно высокое) и служили источниками его доходов.

Другая сюжетная линия, на которой мы кратко остановимся, это частная жизнь, наполненная всем спектром человеческих переживаний и эмоций. Как начинала складываться личная жизнь Андрея Вешнякова (дата его рождения — 1662 г.), известно немногого: в 18 лет он женился на Анне (в рукописи не сохранились данные о её происхождении), прожил с супругой 10 лет и «чад у них не бысть». В 1690 г. похоронил Анну у московской церкви Иоанна Предтечи, у которой был похоронен и отец Андрея. Нельзя исключать того, что в этой церкви в 1680 г. они были повенчаны и что и иконой Владимирской Божией Матери, которая была написана по заказу отца Андрея Вешнякова в 1672 г., их благословляли во время венчания. Икона эта в качестве семейной реликвии могла находиться в Иоаннопредтеченской церкви до болезни Андрея и постройки Никольской деревянной церкви в его новом поместье Маврино (тогда становится понятной фраза из рукописи: «написан был во 180-м году и стоял в церкви Иоанна Предтечи до того времени»).

Вторая женитьба Андрея на Анастасии Семеновне Левашовой была несомненно удачной — автор рукописи необычайно эмоционально обозначил их встречу: «На Москве волею Божию и пресвятыя Богородицы чудотворением образа ее даровався ему, Андрею, вторая супруга Анастасия». Возможно, деятельная Анастасия, прово-

дившая в отсутствие мужа строительство каменного храма в Маврино, родившая и воспитавшая ему двух сыновей, была «даром» для Андрея, настоящей опорой во всех делах его тревожной жизни «служилого человека». Автор его жизнеописания подчёркивает это несомненное «родство душ» и единомыслие: во время пребывания мужа на ругодивской службе «...церковь святую не престояше делать. И без него о томъ прилежаше и промышляше жена его Настасия, и помощию Божию теплою церковь и с трапезою склали. И склавши, и ко освящению изготовили. По благословению святейшаго Андриана патриарха сентября въ 25 день, и освятиша без него, Андрея, а холодной церкви только бутом лице из земли выбутили».

В рукописи очень детально и наглядно излагается строительная деятельность Вешнякова — истории постройки двух храмов, возведимых по данным им обетам. Это относится и к первой деревянной Никольской церкви, воздвигнутой с 3 августа 1687 г. в «новосозданном» селе Маврино — в течение августа—сентября были заготовлены бревна, вывезены, к ноябрю были закончены плотницкие работы и установлен иконостас. Уже 13 ноября того же года «...эта новопостроенная церковь и убрана ко освящению, и в том числе (то есть 13 ноября. — *Примечание авторов*) за благословением святейшаго патриарха и освещена...»

Второе строительство по обету — история появления в Маврино каменного храма в честь «пресвятыя Богородицы». Уже перед службой под Азовом Андрей «...по всем своим вотчинам от хлеба новел отбирати десятой сноп, и хлеб тот продая, и о строении тщащеся». Несомненно, решающим шагом в выборе типа храма, его строителей явилось воеводство Вешнякова в Ростове Великом — здесь он нанимал мастеров делать кирпич, ростовские кузнецы из купленного им железа ковали кресты и решётки на окна для будущего храма. Здесь же он выбрал и нанял зодчего — «...того же града Ростова именем Григория по прозванию Щёчка скласть святую церковь. И той мастер и с иными прочими пришедши в ту весь в мае месяце». Прибывшая из Ростова строительная артель в мае стала производить весь начальный цикл работ — копать фундаментные рвы, бить сваи и закладывать фундамент будущей постройки, «делая яже подобает делати» (сваи, бут, кирпич, известь — всё уже было «припасено в готовности»). В 1701 г. была построена алтарная часть, в 1702 г. клались стены, а весной 1703 г. «...свод мастера сведенца и главу устроиша, и крест поставиша, и в церкви убраша...» и 13 июня 1703 г. храм был освящён.

Сохранилось также несколько свидетельств о прошениях Андрея Вешнякова о поставлении попов в церкви села Сергиевского (Маврино) Московской губернии. Так, в 1709 г. вдовому попу Михаилу Дмитриеву по его челобитью была дана из Приказа церковных дел «перехожая память в вотчину Андрея Вешнякова, в Московский уезд, в село Сергеевское, Маврино тож, к церкви Владимирские Богородицы, и в том селе служил по 715 год»²¹. В Ведомости Ростовской епархии приходским и ружным церквам (1723 г.) в селе Ивановском упомянута церковь Богородицы Одигитрии, в которую в 1713 г. был посвящён поп, а в 1716 г. дьякон «прошением помещика Андрея Вешнякова, а не всех приходских людей»²².

Итак, церковь, о строительстве которой идёт речь в «Сказании», находилась в Богородицком уезде Московской губернии и была посвящена Владимирской Богоматери, икона которой помещалась в храме. В Архиве Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН нами обнаружен документ — Метрика этой церкви конца XIX в.²³ Несколько можно судить по описанию Метрики, храм был построен в виде вытянутого прямоугольника (внутри палаткой, бесстолпный), с одной трёхгранной апсидой, двухсветный, с шатровой кровлей и одной главой. До 1830 г. он просуществовал без переделок, а в 1836 г. в храме уже было три престола: первоначальный и еще два — во имя св. Николая и во имя преподобного Сергия Радонежского. В 1871 г. стены главного храма были расписаны живописью. Пол внутри храма был лепниной, иконостас — резной. В храме хранился вкладной деревянный крест, имевший надпись: «Спаса нашего Иисуса Христа во храм Пре(святой?) Богородицы Марии и (пречистаго) образа ся нарицаемя Владимирская падержавы Благо(че)стивейшаго Государя Царя и Великаго князя Петра Алексеевича по благословлению Преосвященнаго Стефана митрополита Рязанскаго и Муромскаго между патриаршества в лето от мироздания 7111, а от Рождества Христова 1703-го индикта 1-го, июля в 13 день». Внутри храма находился ковчег, а в ковчеге помещался еще один вызолоченный крест с черненою оплавой, а внутри креста, по сведениям Метрики, находилось 15 частиц святых мощей. Среди них и часть мощей Ефрема Новоторжского, которую, видимо, и получил Андрей Вешняков в Торжке в 1690 г. при перенесении мощей святого в новую раку.

Часть мощей Ефрема Новоторжского помещалась внутри большого ковчега в одном из двух малых серебряных ковчежцев (в другом находились мощи св. Иоанна Крестителя). На стенке ков-

чежца была вычеканена надпись: «Бывшу во граде Торжку во обыске чудотворца Ефрема преосвященному Корнилию митрополиту Новоторжскому для преложения мощей из древней раки в новопостроенную от царского Величества присланную, и преложив мощи его в лето 7198 (1690) июня 13 месяца патриаршества, а у преложения были св. мощами от митрополит, а благословения граду Торжкову стольнику и воеводу Андрея Михайлова сына Вишнякова». На кресте из большого ковчега также имелась надпись, приведённая Метрикой: «Сей святой Крест сотворен в лето от мироздания 7213 и от Рождества Христова 1705, астроен во граде Усоли Вычегодской в селе Сергиевское к церкви Пресвятой Богородицы по обещанию Ионка Андреева сына Вешнякова, в оном кресте находится 15 частиц св. мощей разных святых угодников». В 1703 г. был вложен деревянный, а в 1705 г. — золотой крест.

На особо чтимой храмовой иконе Божией Матери Владимирской, по свидетельству Метрики, также шла запись, видимо, с обратной стороны доски: «Сей св. образец пресв(ятой) Богоматери древнего писания, или же Бог весть, и пребывал тот светлый образ в доме стольника и многогрешного Андрея Михайлова сына Вишнякова, и у отца его Михаила Григорьева, и у деда Григорья, и у прадеда его Захария, и у прапрадеда его Петра и ныне св. образ... 7111 (1603?) году мать моя Андреева Марфа Якимовна купила, преехала на сие место для селения и благослови(ла) мя грешнаго Андрея сим св. образом и отца в сем селе быти церкви святой и доныне...»²⁴

Мы ещё раз воспроизвели надпись на иконе Владимирской Божией Матери, так как, кроме сведений о роде Вешняковых по мужской линии, об имени Матери — Марфе Якимовне, она является источником и другой важной информации.

Прежде всего это касается времени написания иконы — ее древность подтверждается хотя бы тем, что икона принадлежала пяти поколениям Вешняковых (то есть почти 150 лет), вероятно, с начала процесса сложения служилого сословия в Московском государстве. Автор надписи на иконе тоже подтверждает ее древность, хотя и не уточняет дату написания образа — для него достаточно, что она находилась уже в доме прапрадеда стольника, и пишет: «древнего писания или Бог весть когда...» Примечательно, что в самом тексте рукописи икона ни разу не названа «Владimirской», потому что тогда это было понятно всем. Безусловно, в роду служилых московских дворян Вешняковых икона находилась не случайно.

Особую заступническую силу этот образ приобрел в 1480 г. во время так называемого «стояния на Угре». Древнюю византийскую икону, привезённую князем Андреем Боголюбским во Владимир с юга в качестве трофея, в период опасности доставили в Москву, и она спасла и поддержала защитников Москвы в противостоянии с золотоордынским ханом Ахметом: как известно, татарское войско без боя отступило от Москвы. С тех пор икона Владимирской Божией Матери оставалась в Москве, в Успенском соборе московского Кремля.

Безусловно, не о списке иконы Владимирской Божией Матери, находившемся в семье Вешняковых, упоминается в начале публикуемого Сказания — она не могла быть написана по заказу Михаила Григорьевича Вешнякова в 1672 г. и находится в Иоаннопредтеченской церкви. Там стояла другая икона, и об этом совершенно определённо пишет автор: «И от всяких бед и всяких случающихся напастей никим себе имели в сем маловременном житии избавления, толко единем Господом Богом и Богоматерию, и уповая верою и взирая на образ нерукотворный Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, а тот святый образ писания в царство великого государя царя Алексея Михайловича, бысть иконописец славен Симон Ушаков, и на образ древняго писания, иже прежде того о том написася, чудотворный образ Богоматере...» Таким образом, в несохранившейся начальной части рукописи речь шла о двух иконах, и именно икона, написанная Симоном Ушаковым в 1672 г. по заказу отца стольника, находилась какое-то время в московской церкви Иоанна Предтечи. Как известно, икона во имя Спаса Нерукотворного, написанная также иконописцем Симоном Ушаковым, но уже для царя, находилась в сенной царской церкви²⁴. Об этом знает и пишет и автор Сказания — он упоминает икону, «что у великого государя на сенях»²⁵.

Следовательно, в рукописи речь идёт о двух иконах, о двух семейных реликвиях, которые служили для семьи Вешняковых духовной опорой во всех жизненных перипетиях. Далеко не случайно оба эти образа упоминаются в небольшой по объёму рукописи 15 раз и всегда вместе: «волею Божию и Пресвятые Богородицы», «моля Господа бога и Пресвятую Богородицу», «уповая на Бога и на Богородицу» и т. д.

В надписи на иконе Богоматери вызывает недоумение дата «7111», то есть 1603 г., которая сообщается автором рукописи как год освящения в Маврино каменной церкви, которая на самом деле

была освящена в 1703 г. (в этом случае по летосчислению от сотворения мира этот год должен быть 7211). Мы предлагаем следующую интерпретацию событий: до 1703 г. икона могла находиться в доме матери Андрея, в Москве, а переехав к сыну в Маврино, Марфа Якимовна в качестве вклада положила икону в новую каменную церковь, построенную именно в честь Богоматери. До этих событий икона, и Марфа Якимовна находились в Москве, что видно из текста: «И без него, Андрея, волею Божию жена его Настасия и сын Иван лежали на Москве в скорби велицеи в юные и в юные месяцах, и в той их скорби получиша милостию Божию и Богоматере ограду...»

Предлагая читателю нашу версию, мы допускаем, что всё-таки автор ошибся в написании даты, причём подобная ошибка в написании встречается уже в рукописи, а на вкладном деревянном кресте из мавринской церкви — «в лето от мироздания 7111, а от Рождества Христова 1703» (получилось от мироздания 1603 г., а от Рождества Христова 1703). Эти две ошибки сделаны не в рукописи, а в надписях на вкладных в храм предметах — иконе и деревянном кресте. Но автор текста тоже сделал ошибку, однако она совсем другого рода: он поставил дату возвращения стольника Вешнякова в Маврино с воеводства в Ростове Великом — март 1701 г. На самом деле он должен был вернуться в марте 1700 г., иначе он не был бы призван в службу «под Ругодив» и не стал бы участником ужасного поражения русского войска под Нарвой.

Конечно, произошла ошибка в написании даты. Причиной ошибки, а скорее курьёза, был не столько автор рукописи, сколько Пётр Первый. Дело в том, что при переходе с юлианского календаря на григорианский Петр, конечно, не смог отказать себе в удовольствии отпраздновать наступление Нового года дважды — сначала 1 сентября 1699 г. по старому календарю и 1 января 1700 г. уже по новому. Автор рукописи прибавил ровно на 1 год больше, чем было нужно, и в результате получилась дата 1701 г.

Характерно, что и в рукописи, и в текстах на двух вкладах в каменную церковь ошибки с датами весьма характерны, что позволяет нам, в очень осторожной форме, сделать предположение, что, по существу, мы имеем дело только с одним автором рассматриваемых нами текстов. Мы не исключаем также участия (по крайней мере, присутствия) в их написании и самого героя повествования — стольника Андрея Михайловича Вешнякова (в надписи на иконе об этом сказано определённо: «...мать моя, Андреева, Марфа Якимов-

на... благословила мя грешнаго, Андрея, сим образом...»). Это не означает, что рука самого стольника могла выводить буквы и слова этих текстов, но его присутствие «рядом» с тем, кто писал их, на наш взгляд, несомненно, да оно и сказывается во всем.

Прежде всего отметим необычайно детальную фактологическую основу повествования, изобилующую многими фактами, окрашенными в сложный спектр личностных эмоций. Далее, весь текст повествования имеет очень последовательную и чёткую идеологическую направленность — служение Вере, Отечеству и своему роду, что составляло мировоззренческую основу сословия служилого дворянства. Об этом свидетельствуют духовные ориентиры Андрея Вешнякова — Всемогущий Господь Бог и заступница Матерь Божья (и соответственно их иконописные изображения) и как обязательный атрибут — образ Владимирской Божией Матери как воинской святыни и защитницы Отечества.

Упомянем ещё один показательный факт, связанный с постройкой первого, деревянного обетного храма, — в своей челобитной к патриарху Иоакиму Андрей просил благословения на постройку церкви с основным престолом в честь Святого Николая, а в приделе церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского. Несомненно, что выбор святого, Преподобного Сергия Радонежского, благословившего в 1380 г. князя Дмитрия перед его походом на Куликово поле, нравственный авторитет которого среди русского воинства ещё долгое время оставался огромным, также понятен и в системе духовно-нравственных ориентиров стольника Вешнякова. Отказ патриарха благословить строительство придела в честь Сергия Радонежского деревянной Никольской церкви в Маврино нам представляется вполне объяснимым, он связан, конечно, с незначительностью самой первой церковной постройки стольника; имело значение и то, что Маврино в то время было необжитое, «новосозданное» жилое место — «пустошь». Однако ответ патриарха дворянину Вешнякову был весьма корректным и носил явно компенсационный характер и, по существу, отвечал устремлениям челобитчика. Патриарх «...благословил быть во имя преподобного Сергия тому селу званием, а что пустошь Маврино называлось, чтоб тем именем села того». Далее автор Сказания пишет: «...съехав он, Андрей, на то новосозданное свое место в деревню Маврино, что по благословению патриаршому хощет быть село Сергиевское, и бысть». Впоследствии, как видно из Метрики этой церкви, в первой половине XIX в. в храме, кроме главного престола в честь иконы Вла-

димирской Божией Матери, находились ещё два — во имя Святого Николая (вероятно, деревянная Никольская церковь к этому времени уже перестала существовать) и придел в честь преподобного Сергия Радонежского.

Вот так получилось, что желание стольника Андрея Вешнякова иметь в своем селе Маврино-Сергиевском также церковь в честь Сергия Радонежского спустя более чем столетие было осуществлено, вероятно, усердием его потомков.

Итак, перед нами — любопытный памятник письменности первой половины XVIII столетия, пример оригинальной и довольно удачной попытки создания своеобразного житийного сказания. Об этом свидетельствует и сам его автор в конце рукописи: «Но даст всемогущий Бог чтушим от усердия и не зазирающим писанию сему, благодать свою святую и милость заступлением пресвятая Богородицы в сем временном житии и сподобит и вечных благ». Событиям «времянного жития» и посвящено повествование. За словами автора встает сам герой этого Сказания, призывающий задуматься и об этом «временном житии». В конце сочинения автор, используя традиционную самоуничижительную формулу древнерусских книжников сообщает: «...написано сие не от учения разума и от малоумия, и бытие сего дела как чиниша, и прочетши сие, то, пожалуйте, не зазrite, но милостию о том разсуждению положите».

По существу, публикуемое Сказание (а повторить это издание авторы сочли необходимым, так как при подготовке в ряде случаев исправили свои ошибки, значительно обновили пунктуацию, что позволило изменить и смысловые акценты) — это своеобразная исповедь смертного и грешного человека как перед своими детьми, так и перед читателями. Назидательный элемент этой исповеди содержится прежде всего в самой сути конкретных жизненных ситуаций, выпавших на долю героев повествования: «А сие ведаше написася для малолетного бытия детей их, Иоанна и Алексея, и вперед иным людем чтушим».

Небесные покровители традиционно защищают и создают благоприятный фон для конкретной деятельности, помогают героям повествования достойно преодолевать страдания, смерть близких, клевету, болезни, а деятельность самих людей — «государева служб», воспитание детей, церковное строительство, преданность семейным реликвиям, — есть конкретная реализация нравственных и духовных принципов людей, «в мире живущих».

Указания автора Сказания, что оно является своеобразным духовным завещанием стольника своим малолетним сыновьям, может служить ещё одной хронологической вехой для даты создания рукописи — вероятнее всего, она была написана в период до 1715 г. Сыновья-погодки Иоанн и Алексей родились соответственно в 1698 и 1699 гг., и после 1715 г. их вряд ли можно было называть «малолетками»²⁶.

Почти автобиографическое житие стольника Андрея Михайловича Вешнякова — несомненно, весьма заметный памятник литературы сложного, но важного для России периода перехода от «старой Руси» к «Петровской России» конца XVII — начала XVIII столетий. Казалось бы, старинная традиционная летописная форма, когда каждое событие в жизни Андрея Вешнякова фиксируется не только датой года, но указанием на месяц и день, ещё определяет общий литературный стиль повествования. Однако насыщенность текста многочисленными драматическими эпизодами из жизни стольника и его семьи, высокий накал человеческих эмоций, характерный для персонажей, а также общий драматический тон передаваемых событий с периодически возникающими трагическими ситуациями в жизни главного героя и его близких, разрешаемых не только вмешательством благоприятных высших сил, но и энергией самой личности, — всё это свидетельствует о новых веяниях в древнерусской литературе и грядущих переменах в ней.

Приложение

«Сказание о построении церкви в селе Маврино-Сергиевском»

Л. 1 ...отца ево Андреева написанъ быль во 180-м годехъ и стоять в церкви // Иоанна Предотечи до того времени. И воставь от болезни, о строении и о зачатии святыя церкви и лесь на церковь выронить, онъ Андреи бъеть челомъ о благословении святейшему Иоакиму патриарху, и святейший патриархъ прия ево челобитье, благословилъ святую церковь созидать, одну во имя святаго отца Николая, а преподобного Сергия в пределе делать не благоволилъ, и благоволилъ быть во имя преподобного Сергия тому селу званиемъ, а что пустошь Маврина называлась, чтоб темъ именемъ села того назвать, и волею Божию и за благословениемъ священаго патриар // ха съехавъ онъ Андреи на

то новосозданное свое место в деревню Маврино, что по благословению патриаршому хощеть быть село Сергиевское, и бысть. Начаша он Андреи 195 августа съ 3-го числа лесь ронить на святую церковь. Первые бревна высечены и все около ево пустоши домнина и выроня бревна в сентябре и вывозжаны, и начата от того лесу рубить святую церковь мерою всею и со алтаремъ и с трапезою полушенсты сажени, и совершиша плотиншкаго дела к ноябрю месяцу и тамо елико лепо украшан святыми иконами. И за скудостию онъ Андреи не тако одить, и христолюбцомъ о томъ создании просиль на вспоможение // иныя всномогаша, и во 195 году на Саратове брата ево преждереченного волею Божию не становеть и по немъ жена ево приложила колоколь в три пуда и ноября къ 13 числу 196 году та новопостроенная церковь и убрана ко освящению и в томъ числе за благословениемъ святейшаго патриарха и освящена. И в том же году онъ вышупомянутый Андреи за невинную смерть отца своего по указу великихъ государей и сестры ихъ государыни царевны и великия княжны Софии Алексеевны отпущенъ воиновою во град Торжекъ и получиша тамъ моци преподобного Ефрема. И быль онъ до 198 году, и во 198 году волею Божию овдовель. Жены ево первой Анны // тело привезено к Москве и погребено у церкви предотечевой. И во 199 году на Москве волею Божию и пресвятые Богородицы чудотворениемъ образа ея даровася ему Андрею вторая супруга Анастасия Семенова дци Никифорова сына Левашева. И с первою он Андреи супругою живя десять лет и чадъ у него не бысть. И со второю живя два лъта, чад не родиша, и от того быша в печали велице и моля Господа Бога и пресвятую Богородицу о заступлении чтоб имъ даровала чада. И милостию Божию за молитвами пресвятая Богородица и прославляя образ свои даровала имъ чадо рождения. И жена ево Анастасия родиша // чадъ ему четыре сына да четыре дщери. И какъ видя еще что перворождающая чада ихъ отходяща сего света и о томъ име печаль. Но обаче усердное упование возлагая на Господа Бога и на пресвятую Богородицу и обещаваясь от Бога единодушно образ пресвятая Богородицы во имя Господнее создати, Святая церковь каменная, но не можаше вскоре того сотворити оскудения ради. Но уповая в волю Божию, а помалу о томъ промыш-

ляя и по всемъ своимъ вотчинамъ от хлеба повеле отбира-
ти десятой спопь, и тогъ хлеб продая, и о строении тща-
лся. И въ 203 году волею Божию и повелениемъ великого
государя послан онъ Андреи на ево государеву службу //
подъ Азовъ скорымъ случениемъ. И тут быша в велицеи
печали и бысть ему в той службе много быша смертныя
случения и печали, и уповая на Бога и на Богоматерь того
обещания не удаляшеся и Божиими судьбами и заступле-
ниемъ Богоматере с той азовской службы возвратися в дом
свои жив. И паки за такое милосердие Ево святое и Бого-
матере о томъ деле своемъ промышляше. И что от той
службы в остатке у него Андрея явилось денегъ, и на те
остаточныя денги приложиль колоколь весомъ десять пуд
на славу и на честь имени Божия и Богоматере. И въ 206
году волею Божию и заступлениемъ // Богоматере пожа-
лованъ онъ Андреи от великого государя в Ростовъ град
воеводою, и бысть в томъ граде два лета, и в те лета из
того града наняша делателей кирпичнаго дела. И в те лета
делаша кирпичъ, а там во граде промышляя иными припа-
сы купиша железа, нанявъ кузнецкаго дела мастеровъ,
помедая кресты и решетки в окошки и иноя вся твориша, яже
к тому церковному делу что уподобашеся. И в томъ граде
даровавъ имъ Богъ за молитвами и заступлениемъ Богомат-
тере два сына: Иоанна и Алексея, и прося от Бога милости
и у Богоматере питаще их. И бываше те младенцы в вели-
циых скорбяхъ. И они в тех // скорбяхъ их никакого же упо-
ваше, ни врачевъ к нимъ зваще, обаче у Бога и у заступни-
цы своей пред чуднымъ образомъ ее их полагаше, и от об-
раза ее получаше имъ здравие и воспитах Иоанна двух
летъ, Алексия году. И от того града съехав, и приехав въ
сий, а от Рождества Христова 1701 (?) году в марте (?)
месяце в село Сергиевское, обаче о строении тоя святыя
церкви печашеся оба. И припась буть и кирпичъ, извести
и сваи припасено в готовости, и наяша делателя того же
града Ростова именемъ Григория по прозванию Щечка,
скласть святую церковь. И той мастеръ и с иными // прот-
чими пришедши в ту весь в мае месяце и волею Божию
и молитвою пресвятые Богородицы и промысломъ Ее начата
рвы копати, и обложиша тоя святую церковь и делая,
яже подобаетъ делати. И то же лето по царскому изволе-
нию учиниша служба под Ругодев, и ему, Андрею на той

Л. 3 об.

Л. 4

Л. 4 об.

Л. 5

службе быть велено же, и бысть, и пошелъ на тое службу
сентября въ 1 день. И бысть о томъ в доме сетование и
плачъ, обаче возлагая надежду на Бога и на Богоматерь, а
церковь святую не престояще делать. И без него о томъ
прилежаше и промышляше жена ево Настасия, и помощию
Божию теплою церковь и с трапезою склали. И склавши,
// и ко освящению изготовили. По благословению святей-
шаго Андриана патриарха сентября въ 25 день, и освятиша
без него, Андрея, а холодной церкви только бутомъ лише из
земли выбутили. Такъ до другова лета и оставиша. И на
службе ему быша беды смертни, и волею Божию за гре-
хи наша пришед к обозамъ царскимъ шведской король с
силами, обозы розбиша и в полон много взяша. А он Андреи,
волею Божию и пресвятая Богородицы заступле-
ниемъ спасеся живъ, толко человекъ лутши Стефанъ про-
пал безвестно, и что было с нимъ на служба платья и с(о)-
судов сребряных и медных, посуды всякой рухледи — все
пропало. И пришед в домъ свои живъ // о семь благодаря
Господа Бога и пресвятую Богородицу, и паки, хотя нужду
приимая, а того дела не престая, тщащеся достраивать
святую церковь. Но скудость обымаше их. Но преблагий
Господь судами Своими и за молитвами пресвятая Богоро-
дицы помогаше. И ниоткуду он помощи чаяше, и внезапу
что ему даровася указомъ царскимъ посылается он Андреи
на Устюгъ Великий для збора денегъ двадцати двухъ тысячи
с хлеба, и указаша ему царскою милостию по двенадцати
алтин на день денегъ. И он приехаше на Устюг повеление
дело ему исправляше, а царскую милость кормовыя деньги
браша и питащеся и за остаткомъ ему бысть, и то присылая
к жене своей, чтоб святую церковь достраиваше, // а града
того Устюга и Соли Вычегодской жители имеют зело усерд-
ное прилежание к святымъ церквамъ. И он Андреи имъ
христолюбцемъ обявляше о строении святыя церкви и об-
разе чудотворномъ сказавше. И они христолюбцы многия
по вере своей на строение подаяше, и темъ святая церковь
и созидашеся. И въ 701 году олтари сострояше, а въ 702
стены холодныя церкви состроиша, даже до самого свода.
И 703 году онъ Андреи и з женою и з детми с Устюга
приехав в марте месяце. И тою весною свод мастера све-
доша и главу устроиша, и крестъ поставиша, и в церкви
убраша, хотя не совсем // толко ко освящению изготовиша-

Л. 5 об.

Л. 6

Л. 6 об.

Л. 7

Л. 7 об.

Л. 8

Л. 8 об.

ся. Июня въ 13 день на память святыя мученицы Акилины въ день недельный. Та новопостроеная церковь по благословению Стефана митрополита резанского и освятиша между патриаршества правящей престоль патриаршески. И того же лета по указу царскому послан во град Устюг же и на Холмы Горы и тамъ быша съполя месяца по декабрь. И въ декабре месяце по указу царскому взяша его къ Москве. И въ тия дни быша службы и война у царскаго величества свийским королемъ. И для той службы збираща къ воинству многихъ и всякихъ чиновъ, кои царедворцы быша на воеводствахъ и въ посылахъ. Изволиша самъ благочестивый царь смотреть. И въ 704 году генваря, въ ... день, онъ Андреи пред царемъ // на смотре бысть, и волею всемогущаго Бога и заступлениемъ пресвятыя Богородицы и чудотворного образа Ея въ пехотной строй и взят бысть. А въ те лета бысть ему сорокъ два года и по указу велено ему бысть по прежнему на Устюге изъ Монастырскова Приказу велено ведать на Устюге домъ архиерейской и вотчиная всѣхъ монастырей. И приехалъ на Устюгъ въ 704 году въ юнле месяце и о томъ некоторыя въ дому Устюжскаго архиеря вражию наводдениемъ воздвигаша всякой гневъ и вражду Устюжской вдовой протопопу Сава да сынъ боярской архиерейской Василий Власов. И бысть онъ Андреи тамъ до 706 году. И въ 706 году въ генварѣ съ Устюга по указу поехавъ // къ Москве по изветомъ сво Василия Власова для всякаго исправления. И бысть на Москве три месяца, и того же году по указу велено для смотру бысть къ Москве. И бысть на Устюге и въ прочихъ городехъ для управления дель три месяца, и съ Устюга въ село Сергиевское приехаль въ сентябре въ 13 числе. И безъ него Андрея, волею Божию жена его Настасия и сынъ Иванъ лежали на Москве въ скорби велици въ юнле и въ юполе месяцахъ. И въ той ихъ скорби полутиша милостию Божию и Богоматере ограду, и съехавъ въ село Сергиевское. И отъ образа пресвятыя Богородицы полутиша и совершенное здравие, а супостатъ онъ бывшей вдовой протопопу Савву // и что бысть сынъ боярской, а поставленъ устюжскимъ архиереемъ въ попы не престаяше враждовати, и беша въ Преображенскомъ и не полутиша своего лукавого намерения. Онъ Андреи помошю Божию и заступлениемъ пресвятыя Богородицы отъ нихъ избавленъ бысть. Они же себе полутиша отмщеніе по царскому указу за лживыя ихъ дела.

II. 9

II. 9 об.

II. 10

II. 10 об.

А въ 706 году пока онъ Андреи бысть на Устюге благоволеніемъ Божиимъ и пресвятыя Богородицы способствомъ у тои вышеобявленной святой церкви и колоколю каменную построили. А о томъ строении безъ него тщащеся жена ево Настасия // и той святыя церкви иерей Константий, и того же году въ октябре месяце помошю Божию и Богоматерю месячныхъ двенадцать книгъ Миней въ церковь святую онь Андреи приложиша. И отъ всякихъ бедъ и всякихъ случающихся напастей никимъ себѣ имели въ семъ маловременному житии избавленія, только единемъ Господемъ Богомъ и Богоматерию, и уповая верою и взирая на образъ нерукотворенныи Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, а туть святыи образъ писания въ царство великаго государя царя Алексея Михайловича, бысть иконописецъ славенъ Симонъ Ушаков. И на образъ древняго писания, иже прежде того о томъ написася // чудотворный образъ Богоматере и темъ въ мало временномъ семъ житии спасащая, а о вечномъ отхождении душъ своихъ аще и человечы въ мире живуща, погрешиша. Только уповаща на щедроты всемогущаго Господа Бога и на пресвятую Богородицу сыновьямъ своимъ Иоанну и Алексею пока ихъ по воле Божију жизнь будеть, заповедая, чтобъ имъ отъ той святой церкви прileжать усердно и ко образу всемогущаго Спаса нашего Христа и пресвятыя Богородицы иметь веру несуменную, но духомъ горячу на первообразное возходить, и угодниковъ ихъ // памяти чтити, и у той святой церкви иеря будущаго и церковниковъ противъ обычнаго имъ церковникомъ даяния давати, чтобъ имъ быть не въ зелной скучости, и тое святую церковь отъ именіи своихъ спаѓдевати всякими церковными потребами, по силе своей елико онъ творецъ возхощеть. А сие ведаше написася для малолетнаго бытия детей ихъ Иоанна и Алексея и впредъ инымъ благолюбивымъ людемъ чущимъ о веданіи той святыя церкви и въ неи чудотворного образа Богоматере, и написано сие не отъ учения // разума и отъ малоумія и бытия сего дела какъ чиниша, и прочетши сие хто, пожалуйте, не зазрите, но милостивно о томъ разсужденію положите. Но дастъ всемогущий Господь Богъ чущимъ отъ усердия и не зазиравющимъ писанию сему благодать Свою святую, и милость заступлениемъ пресвятыя Богородицы въ семъ временномъ житии и сподобить и вечныхъ благъ. Аминь.

¹ Овсянников О.В., Рождественская М.В. «Сказание о построении церкви в селе Маврино» — малоизвестный источник XVIII в. ТОДРЛ. Т. 47. — Л., 1993. С. 356–366.

² РГАДА. Ф. 181. Д. 1123/1696. Л. 1–10 об.

³ РА ИИМК РАН. Ф. III. Д. 3359.

⁴ Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. — М., 1946. С. 35, 225–226.

⁵ ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977. С. 152; Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера. Люди. События. Даты. — Архангельск, 1992. С. 75.

⁶ Лихачёв Н.П., Мятлев Н.В. Тысячная книга 7059/1550 года. — Орёл, 1911. С. 80–81, 249 (упомянуты Вешняковы — псковские помещики и новгородский помещик Шишак Вешняк).

⁷ Дворянские роды, внесённые в Общий Гербовник Всероссийской империи. — СПб., 1890. Т. 1. С. 681.

⁸ Илиодор. Историко-статистическое описание города Торжка. — Тверь, 1860. С. 73–79.

⁹ Илиодор. Историко-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря. — Тверь, 1891. С. 134.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядный Приказ. Дела разных городов. Д. 2. 1698 г. Л. 299.

¹¹ Титов А.А. Синодики XVII–XVIII веков Ростовского Успенского собора. — Ростов, 1903. С. 67.

¹² Ключков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. Перепись дворов и населения (1678–1721) // Зап. историко-филол. фак-та Императ. СПб. университета. — СПб., 1911. Ч. 51. С. 403.

¹³ Булыгин И.А. Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря // Материалы научной конференции по изучению сельского хозяйства Европейского Севера. — Вологда, 1968. С. 416.

¹⁴ ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–2 об.

¹⁵ Ясинский М.Э. Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север — проблемы и источники. Т. 2. — СПб., 1998. С. 139.

¹⁶ Булкин В.А., Овсянников О.В. Новые данные о каменном строительстве второй половины XVII в. в окрестностях Холмогор // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1984 г. — Л., 1986. С. 541–553; Ясинский М.Э., Овсянников О.В. Указ. соч. рис. 20–23.

¹⁷ Овсянников О.В. Северный иконописный фонд по письменным источникам. Пути формирования и судьбы в XVI–XIX вв. // Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси, посвящённые памяти художника-реставратора Николая Васильевича Перцева. 1902–1981. — Архангельск, 1992. С. 55–65; Булкин В.А., Овсянников О.В. Холмогорцы Струнины и Погорельские // Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. — Архангельск, 1987. С. 23–35.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1326. Л. 33 об.

²⁰ Булкин В.А., Овсянников О.В. Каменных дел подмастерье Пётр Козьмин Некрасов // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. — Л., 1981. С. 554–563.

²¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительства Синода. — СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1 (1722). С. CLVI–CLVII.

²² Там же. СПб., 1878. Т. 3 (1723). С. CDXXII; Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. Т. 2. — М., 1910. С. 357.

²³ РА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 3359.

²⁴ Там же.

²⁵ Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. Т. 2. — М., 1910. С. 357.

²⁶ Померанцев Н. Финифть усольского дела // Сб. Оружейной палаты. — М., 1925. С. 97; Овсянников О. В. — Сольвычегодск, Архангельск, 1973. С. 51; Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера. Люди. События. Даты. — Архангельск, 1992. С. 300–303.